

Был ли генерал Павлов предателем?

Бахытжан Ауельбеков

75 лет назад, ровно через месяц после начала войны, 22 июля 1941 года в Москве состоялся суд военного трибунала над бывшим командующим Западным особым военным округом (Белоруссия) генералом армии Д. Г. Павловым и группой его подчиненных. По решению трибунала Павлов и еще четыре генерала (Коробков, Григорьев, Климовских, Оборин) были приговорены к расстрелу. (Командующий авиацией округа генерал И. И. Копец пустил себе пулю в лоб еще 22 июня.) Дело генерала Павлова до сих пор полностью не рассекречено, но и то, что на сегодняшний день известно, заставляет задуматься: насколько хорошо мы знаем историю той войны?

Расстрел сразу пятерых генералов даже для той напряженнейшей обстановки – случай исключительный. Со времен раскрытия заговора Уборевича – Тухачевского (в реальности которого сегодня не сомневается ни один серьезный историк) такого еще не было. При этом далеко не все бывшие подчиненные Павлова были привлечены к ответственности. Например, генерал И. В. Болдин, хотя и был первым заместителем Павлова, но арестован не был и к суду не привлекался; а с ноября 1941 года по февраль 1945 года командовал 50-й армией, закончив войну заместителем командующего войсками 3-го Украинского фронта. С пятеркой расстрелянных же обошлись круто. Похоже, что вина осужденных была непростительной.

Заметим, что какой бы тяжелой ни была обстановка на фронте, но Сталин всегда стремился объективно разобраться в прегрешениях своих подчиненных и в случае необходимости требовал для них наказания, соразмерного тяжести проступка. Порой наказания были, пожалуй, даже слишком мягкими. Так, генерал-лейтенант Козлов, один из главных виновников разгрома Крымского фронта весной 1942-го года, был только снижен в звании до генерал-майора. А главком ВВС РККА П. Ф. Жигарев, по вине которого весной того же 42-го фронт не получил вовремя с заводов 700 уже полностью готовых самолетов (целая воздушная армия!), отделался тем, что его сняли с должности и отправили служить на Дальний Восток. Таких случаев было много.

Имелись, впрочем, примеры и другого рода. Так, был случай, когда генерал-майор Н. А. Москвин приказом Сталина был разжалован в рядовые и отправлен на фронт. В июле 1941 г. на Северо-Западном фронте при отходе 41-го стрелкового корпуса через реку Великая был преждевременно взорван мост, что привело к гибели не успевшей переправиться части корпуса и оставлению г. Пскова. За это по приговору военного трибунала были расстреляны командир 118-й стрелковой дивизии генерал-майор Н. М. Гловацкий и начальник инженерной службы 41-го стрелкового корпуса майор А. А. Головлев, командир 41-го стрелкового корпуса генерал-майор И. С. Кособуцкий получил 10 лет заключения. Таких случаев тоже было немало. Вина Павлова и его подчиненных тоже была признана прощению не подлежащей. В чем она заключалась? Попробуем разобраться. Прежде всего следует понять, какой была международная обстановка в то время.

В военном деле одна из самых сложных задач – провести в предвоенный период мобилизацию войск, необходимых для ведения войны и сосредоточить их на предполагаемом театре военных действий. Армия мирного времени и армия военного времени – это две разные армии: вторая значительно превышает по численности первую.

Если какая-то страна начинает мобилизацию, это означает, что она готовится начать войну. Собственно говоря, мобилизация и означает войну. Поэтому все государства внимательно следят друг за другом, и как только одна страна начинает мобилизацию, соседи тут же начинают ответную мобилизацию, чтобы упредить противника в развертывании своих войск. А такое положение вещей может уже просто автоматически привести к войне даже если ее никто и не предполагал. Поэтому с мобилизацией не шутят, это дело серьезное. Когда Николай II 30 июля 1914 г. объявил о мобилизации, кайзер Вильгельм 1 августа немедленно объявил России войну. Мобилизация – это война, вне зависимости, кто ее объявил формально.

Сложность положения СССР заключалась в том, что он имел неотмобилизованную армию мирного времени, а у его границ сконцентрировались полностью отмобилизованные и готовые в любой момент начать военные действия германские войска. Если Советский Союз начнет свою мобилизацию, это спровоцирует Гитлера на превентивную войну. Если мобилизацию не объявлять, то Гитлер может напасть первым и с легкостью разгромит неотмобилизованную и неразвернутую Красную Армию.

Гитлеру в этом отношении, можно сказать, повезло. 1 сентября 1939 года он нападает на Польшу, а 3 сентября Франция и Англия объявляют ему войну. 10 мая 1940 г. вермахт вторгается во Францию и громит союзников, но англичане успели эвакуировать свои войска из Дюнкерка. Таким образом, германская армия на вполне законных основаниях находится в полностью отмобилизованном состоянии – страна с 1 сентября 1939-го находится в состоянии войны, мобилизацию проводить не надо, она уже давно проведена. Вопрос в том, решится ли Гитлер начать войну на два фронта? В Первую мировую для Германии это кончилось плохо. Да и сам Гитлер не раз заявлял, что войны на два фронта не будет никогда, что это было бы безумием. А если на стороне Англии выступят еще и США? Ситуация была совершенно непонятной, предполагать можно было все что угодно.

В июне 1941 г. начальник ГРУ генерал Ф. И. Голиков положил на стол Сталину «Спецсообщение разведуправления Генштаба Красной Армии о группировке немецких войска на 1 июня 1941-го», в котором указывалось, что силы немцев распределены так:

«против Англии (на всех фронтах) – 122–126 дивизий,
против СССР – 120–122 дивизии,
резервов – 44–48 дивизий».

Хорошо видно, что количество дивизий, выделенных для действий на Западе, даже слегка больше выделенных против СССР. То есть ситуация на 1 июня была неопределенная, явно выраженной направленности против СССР группировка вермахта не имела. Любопытно, что и «Объединенное разведывательное управление британского комитета начальников штабов считало, что главной целью рейха в 1941 году остается именно разгром Англии. Что же касается накапливания сил вермахта у границ СССР, то английские разведчики полагали, что это не более чем демонстрация силы с целью оказать давление на Советский Союз, если он откажется продлить торгово-экономическое соглашение с Германией. В Лондоне полагали, что такое соглашение необходимо Гитлеру для укрепления германской экономики, если война с Англией примет затяжной характер» (Орлов А. С. Сталин: в преддверии войны. М.: Эксмо, 2003).

Однако все-таки что-то делать надо было. Полагаться на добрую волю вероятного противника – верх безответственности. В мае 1941 г. Сталину поступили подписанные наркомом обороны Тимошенко и начальником Генштаба Жуковым «Соображения по плану стратегического развертывания вооруженных сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками», в которых в частности указывалось:

«...необходимо заблаговременно провести следующие мероприятия...:

1. Произвести скрытое отмобилизование войска под видом учебных сборов запаса.
2. Под видом выхода в лагеря произвести скрытое сосредоточение войска ближе к западной границе, в первую очередь сосредоточить все армии резерва главного командования...».

Эта скрытая мобилизация началась 14 июня 1941 года. К сожалению, завершить мобилизацию и скрытое сосредоточение войск просто не успели – времени не хватило. И тут начались какие-то странности. Вообще-то странностей в тот период было много, но мы коснемся только тех, которые касаются ЗапОВО. Как мы все сегодня знаем, главный удар вермахта был нанесен через Белоруссию. Незадолго до начала войны туда был переброшен полк авиации дальнего действия (АДД, стратегическая авиация) под командованием будущего Главного маршала авиации (1944) подполковника Александра Голованова. В своих мемуарах он рассказывает, как представлялся командующему округом:

«...Только я начал отвечать на его вопросы, как он, перебив меня, внес предложение подчинить полк непосредственно ему. Я доложил, что таких вопросов не решаю.

– А мы сейчас позвоним товарищу Сталину.

...Не успел он сказать, что звонит по поводу подчинения Голованова... как по его ответам я понял, что Сталин задает встречные вопросы.

– Нет, товарищ Сталин, это неправда! Я только что вернулся с оборонительных рубежей. Никакого сосредоточения немецких войск на границе нет, а моя разведка работает хорошо. Я еще раз проверю, но считаю это просто провокацией. Хорошо, товарищ Сталин... А как насчет Голованова? Ясно.

Он положил трубку.

– Не в духе хозяин. Какая-то сволочь пытается ему доказать, что немцы сосредоточивают войска на нашей границе.

Я выжидательно молчал.

– Не хочет хозяин подчинить вас мне. Своих, говорит, дел у вас много. А зря.

На этом мы и расстались. Кто из нас мог тогда подумать, что не пройдет и двух недель, как Гитлер обрушит свои главные силы как раз на тот участок, где во главе руководства войсками стоит Павлов? К этому времени и у нас в полку появились разведывательные данные, в которых прямо указывалось на сосредоточение немецких дивизий близ нашей границы.

Как мог Павлов, имея в своих руках разведку и предупреждения из Москвы, находиться в приятном заблуждении, остается тайной. Может быть, детально проведенный анализ оставшихся документов прольет свет на этот вопрос... Почему войска не были приведены в боевую готовность, хотя уже накануне стало очевидно, что завтра может грянуть война и, как известно, были отданы на сей счет определенные указания?» (Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная... Воспоминания Главного маршала авиации 1941–1945. М.: Центрполиграф, 2007).

Очень странная ситуация. Поражает, что о концентрации немецких войск против ЗапОВО командующего округом предупреждает Сталин, а не наоборот (?!). Хотя у Павлова в подчинении есть армейская разведка округа, рядом – приграничная разведка НКВД, которая напрямую ему не подчинена, но тоже поставляет нужные сведения; к командующему из Генштаба и Наркомата обороны поступает вся необходимая информация; о том, что происходит концентрация немецких войск против округа знают уже даже летчики полка АДД – а командующий округом этого не знает! Уже одно то, что Сталин в телефонном разговоре вместо обсуждения вопроса о подчинении полка Голованова сразу выражает свою обеспокоенность тем, что происходит, должно было бы насторожить генерала: он не мог не понимать, что Сталин обладает гораздо более полной информацией, чем командующий округом. Но Павлов благодушествует (делает вид?): «Никакого сосредоточения немецких войск на границе нет, а моя разведка работает хорошо».

Хотя на самом деле разведка докладывала прямо противоположное. Например, 18 июня летчик полковник Захаров вместе со штурманом майором Румянцевым на У-2 совершили облет границы Западного военного округа. Через каждые 30–50 км он садился на первой попавшейся поляне и писал донесение на крыле самолета. Откуда-то тут же

появлялся пограничник, молча отдавал честь, забирал донесение и исчезал. В своей книге «Я – истребитель» Захаров писал: «Все, что я видел во время полета, можно сформулировать в четырех словах: «со дня на день».

Далее произошло следующее. «Командующий ВВС округа генерал И. И. Копец выслушал мой доклад с вниманием... мы тут же отправились с ним на доклад к командующему округом. Слушая, генерал армии Д. Г. Павлов поглядывал на меня так, словно видел впервые... В конце моего сообщения он, улыбнувшись, спросил, а не преувеличиваю ли я... С тем мы и ушли».

И. И. Копец застрелился 22 июня после того как самолеты его округа были одним ударом уничтожены прямо на аэродромах, не успев взлететь; полковник Г. Н. Захаров воевал до Победы, стал генерал-майором и Героем Советского Союза... Создается впечатление, что Павлов был единственным военным в округе, кто «не верил», что не сегодня-завтра начнется война.

Между прочим, как сейчас выясняется, 18 июня, когда Павлов выслушал доклад полковника Захарова и «не поверил» ему, – это тот самый день, когда во все приграничные округа была разослана директива Генштаба о приведении войск округов в боевую готовность. Павлов эту директиву не выполнил. А вот выдержка из последней предвоенной директивы, разосланной в приграничные округа вечером 21 июня: «...Встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников. ПРИКАЗЫВАЮ: а) в течение ночи на 22 июня 1941 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе... Тимошенко, Жуков». Этот приказ Павлов тоже не выполнил.

Дальше события развивались так. Брестская крепость, находящаяся в черте города Брест, расположена на берегу реки Западный Буг. В 4 часа утра 22 июня немецкие войска внезапно открыли артиллерийский огонь по военному городку южнее Бреста, где размещалась 22-я танковая дивизия, военному городку в Бресте, где размещались части 6-й, 42-й стрелковой дивизий 28-го стрелкового корпуса и 477-й корпусной артиллерийский полк, и по Брестской крепости. Также артиллерийскому обстрелу подвергся артиллерийский полигон, на котором были собраны части 6-й и 42-й стрелковых дивизий и 455-й корпусной артиллерийский полк. Такое впечатление, что войска специально сгруппировали в одну кучу, чтобы их можно было уничтожить одним ударом. Хотя в соответствии с последней предвоенной директивой Генштаба, именно этой ночью они должны были занять позиции на границе согласно планам прикрытия. Большое количество личного состава (примерно 8 тыс. человек) осталось в крепости, поскольку не смогли из нее выйти. К исходу дня крепость была блокирована немецкой 45-й пехотной дивизией.

Это все в общем-то известно. Менее известно другое. Направление главного удара вермахта было нацелено на Москву не просто через Белоруссию, а именно через Брест, точнее, через район Бреста. Именно здесь был сконцентрирован главный бронированный кулак немцев, их основная ударная мощь. 17-я, 18-я танковые дивизии Гудериана форсировали Западный Буг севернее Бреста, 3-я и 4-я танковые дивизии – южнее Бреста. Немецкие танкисты сам Брест и в глаза не видели; пока крепость еще сражалась, они уже наматывали на гусеницы километры дороги на Барановичи, а оттуда на – Минск. Брестскую крепость осаждали пехотные дивизии немцев; она потому и смогла так долго продержаться, что ее штурмовала пехота без артиллерии и танков.

И тут надо понимать следующее. Река Западный Буг, конечно, не Днепр, но все-таки судоходна, вброд ее не перейдешь (г. Брест – речной порт). Для того чтобы форсировать ее, немцам пришлось строить понтонные переправы. (Мост в этом районе был, но он шел в г. Брест, а немецкие танковые дивизии не через город прошли – они Западный Буг форсировали к северу и югу от города.) Что касается немецкой танковой дивизии, то это не только танки. Как раз танки-то в ней составляют меньшинство, они – только острие так называемого «танкового клина». Реально же эта дивизия выглядела так. Впереди едут мотоциклисты и ведут разведку, а также дезориентируют противника. За ними идут

танки, 250–300 штук. За танками идут тягачи и тянут артиллерию, в том числе противотанковую и зенитную. За ними едут грузовики с мотопехотой, ремонтными, саперными, инженерными подразделениями, боеприпасами, горючим, едой, водой и всем необходимым. Встречая хорошо укрепленного противника, танки останавливаются, вперед выдвигается артиллерия и своим огнем подавляет огневые точки противника и наносит ему максимальный урон. И только после этого в бой идут танки, прикрытые пехотой. Танк, не прикрытый пехотой – это бронированный гроб: у него плохой обзор, и он уязвим с боков и кормы.

Такое механизированное соединение – плод творческого осмысления немецкими военными теоретиками уроков Первой мировой войны, которая зашла в так называемый «позиционный тупик», когда две противоборствующие стороны сидят в окопах, засыпая друг друга снарядами, несут огромные потери, но не могут прорвать оборону друг друга. Новая же механизированная оперативно-тактическая структура, придуманная в Германии, – это инструмент прорыва. Она функционирует автономно, по принципу «все свое ношу с собой», в результате она не привязана к своим тыловым службам обеспечения. Таким образом, она прорывает вражескую оборону и уходит на десятки километров вперед, действуя в течение довольно длительного времени самостоятельно. Две такие механизированные группы с двух флангов прорывают оборону противника, уходят далеко вперед и смыкаются во вражеском тылу (пресловутые «танковые клещи»). С фронта подтягиваются основные силы, и противник попадает в окружение. Теперь классический «кессельшлахт» (буквально – «котельная битва», операция на окружение) стала визитной карточкой вермахта, повторяясь на разных театрах военных действий по схожей схеме.

Именно по такой схеме четыре немецкие танковые дивизии форсировали Западный Буг, прорвали оборону начавшихся выдвигаться советских войск второго стратегического эшелона и 28 июня, на шестой день войны, завершили окружение войск Западного фронта. Это был разгром. На первом этапе план вторжения был выполнен. Но в данном конкретном случае в этом плане все-таки было одно слабое место. Немцам, как мы сказали, пришлось наводить понтонную переправу через Западный Буг, чтобы переправить свои войска. И переправлялись они на очень узком фронте. В момент переправы войска наиболее уязвимы, и им можно нанести существенный урон даже не самыми значительными силами.

Если бы на другой стороне находились советские войска, то они артиллерийским огнем просто уничтожили бы понтоны и сорвали бы переправу. Это затормозило бы продвижение корпуса Гудериана как минимум на два-три дня, что в тех условиях давало советской стороне огромный стратегический выигрыш, позволило бы подтянуть силы и перевернуло бы весь ход дальнейших сражений. План «Барбаросса» стал бы ломаться с самого начала. Но в том-то и дело, что в районе немецкой переправы советских войск попросту не было! А где они были? В Бресте! Где их уничтожили массированным огнем артиллерии.

План вторжения в СССР через район Бреста, мгновенно форсируя Западный Буг, был, можно сказать, дерзким, а можно сказать, авантюрным. Он находился в полной зависимости от скорости и стремительности исполнения. Здесь на вес золота был не то что каждый день, но буквально каждый час. Если б на другом берегу реки немцы встретили более-менее организованное сопротивление, план вторжения сразу бы сорвался. Не потому, что советскую оборону не удалось прорвать – ее прорвали бы в любом случае, – а потому, что форсировать Западный Буг не удалось в установленные сроки. Это спутало бы все карты нападавшим, и план «Барбаросса» пришлось бы на ходу пересматривать, к чему германское командование было абсолютно не готово и впало бы в замешательство. Выигрыш во времени хотя бы в два-три дня давал советскому командованию возможность форсированно отобилизовать второй и третий стратегические эшелоны, поставив на пути германских армий вторжения заслон, который они вряд ли сумели бы прорвать. И ставить успех сложнейшей военной операции в

зависимость от одного-единственного фактора – будет или не будет встречено на другой стороне реки организованное сопротивление... Это или феноменальная, но удавшаяся авантюра, или... немцы были на сто процентов уверены, что на другой стороне советских войск попросту не будет, и их переправе никто не помешает.

Как мы знаем, согласно последнему предвоенному приказу Генштаба от 21 июня, войска брестского гарнизона должны были выйти из крепости и в ночь на 22 июня занять районы прикрытия границы южнее и севернее Бреста – именно там, где немцы и форсировали Западный Буг. Но приказ не был выполнен, войска остались в месте постоянной дислокации в Бресте, где героически погибли, не успев даже толком понять, что происходит.

Хуже того, Павлов постоянно посылал в Генштаб дезориентирующие донесения о том, что хотя положение на его участке фронте сложное, в Белоруссию ворвались две немецкие танковые дивизии, но вверенные ему подразделения успешно им противостоят. «До двух танковых дивизий противника, достигнув рубежа Браньск, Боцьки, ведут бой с частями 6-го и 13-го механизированных корпусов». На самом деле в этом районе никаких немецких танков не было вообще, там действовали только пехотные дивизии вермахта (Браньск и Боцьки – это же совсем в другой стороне от направления Брест – Барановичи!). Вследствие дезинформации, посылаемой Павловым, советское военное руководство не имело понятия о том, что четыре немецкие танковые дивизии рвутся к Барановичам, соответственно, не смогло определиться с направлением главного удара вермахта.

«То, что от Бреста на Барановичи продвигаются четыре немецкие танковые дивизии, должны были выявить разведывательные подразделения противостоящих им 30-й танковой и 205-й моторизованной дивизий 14-го мехкорпуса. Этого не было сделано, вследствие чего 23–24 июня на всех уровнях управления принимались неверные решения... Да, остановить 2-ю танковую группу Гудериана советскому 14-му мехкорпусу было не по силам, но дать «сигнал тревоги» в вышестоящие инстанции была прямая обязанность руководящих органов 4-й армии. Вместо этого наверх шли успокаивающие донесения о планируемых контрударах и скором восстановлении положения» (Савин В. О. Разгадка 1941. Причины катастрофы. М.: Эксмо, Яуза, 2010).

Дезинформированный Павловым советский Генштаб пришел к выводу, что направление главного удара вермахта нацелено через Прибалтику на Ленинград, не только второй по величине город в стране, но и крупнейший промышленный центр. Здесь немцы должны соединиться с финнами и угрожающе нависнуть над центральным регионом страны с северо-запада. Второй по силе удар вермахта наносится по Украине. Белоруссию в расчет вообще не взяли – Павлов там, судя по его донесениям, успешно справляется, следовательно, это направление – второстепенное. Именно исходя из этих предположений и принимались все решения. В результате о том, что 28 июня немцами был взят Минск, советский Генштаб узнал от Сталина, тот – от Молотова, а последний... из сообщений английского радио! Шок был полнейший.

Если, например, капитан теплохода примет решение срочно остановить движение судна, то его тормозной путь составит не менее двух километров. А представьте себе, какие усилия надо приложить, чтобы остановить и развернуть в другом направлении такую махину как армия! В течение некоторого времени принимаются определенные решения, отдаются определенные приказы и совершаются определенные перемещения войск. И все это – исходя из одной оценки ситуации. А через несколько дней вдруг оказывается, что ситуация на самом деле совсем другая! Нужно останавливать движение войск и разворачивать их в другую сторону, разрабатывать новые планы и рассчитывать новую дислокацию. Само по себе это требует огромных усилий и времени. Но ведь и противник не стоит на месте и продолжает наступление. В результате, какие бы правильные решения вы ни приняли, все равно запаздываете, нужно каждый раз все начинать сначала, и все это в состоянии цейтнота, в условиях дефицита времени. И так – по кругу. И потребуются самые отчаянные усилия, чтобы этот порочный круг разорвать.

Советскому народу дорого пришлось заплатить за ту «дезу», которую запустил в Генштаб генерал Павлов. Каждое его действие (равно как и бездействие) по отдельности можно объяснить некомпетентностью, самоуверенностью, военной неразберихой, отсутствием связи с подразделениями, трусостью, глупостью, наконец... Но все вместе? Главный маршал авиации Александр Голованов рассказывает:

«3 июля, на двенадцатый день войны, я неожиданно получил распоряжение немедленно прибыть в Москву... Через некоторое время я оказался в Кремле, в уже знакомом кабинете. Народу было много, но я мало кого знал... Среди присутствующих резко выделялся Сталин: тот же спокойный вид, та же трубка, те же неторопливые движения, которые запомнились еще с первых моих посещений Кремля до войны, та же одежда.

– Ну, как у вас дела? – спросил Сталин, здороваясь.

Я кратко доложил обстановку и что за это время сделал полк.

– Вот что, – сказал Сталин, – мы плохо ориентированы о положении дел на фронте. Не знаем даже точно, где наши войска и их штабы, не знаем, где враг. У вас наиболее опытный летный состав. Нам нужны правдивые данные. Займитесь разведкой. Это будет ваша главная задача. Все, что узнаете, немедленно передайте нам.

...Сталин опять заходил. Снова подойдя ко мне, он вдруг сказал:

– Мы дали указание арестовать и доставить в Москву Павлова. – Голос его был тверд и решителен, но в нем не слышалось ни нотки возмущения, ни тени негодования...

Передо мной, как наяву, возник служебный кабинет в Минске и бритоголовый, с массивной фигурой человек, вызывающий по телефону Сталина, чтобы взять в свое подчинение наш полк, убеждающий его не верить сведениям о сосредоточении немцев на исходных рубежах у наших границ, не поддаваться на «провокации». Разговор этот, как помнит читатель, происходил в моем присутствии, и, видимо, Сталин, обладая феноменальной памятью и уверенный в том, что я все пойму, объявил мне об этом решении Государственного Комитета Обороны.

Больше о Павлове не было произнесено ни слова. Попрощавшись, я отправился на аэродром и тотчас же улетел к себе в полк...» («Дальняя бомбардировочная...»).

Интересный вопрос: а откуда, собственно, взялся генерал Павлов? Чей он ставленник? Кто его вел? Будущий маршал, генерал К. А. Мерецков, который был старшим военным советником в Испании, на допросе 1941 года рассказал о том, как делалась военная карьера Павлова:

«...Уборевич меня информировал о том, что им подготовлена к отправке в Испанию танковая бригада и принято решение командование бригадой поручить Павлову. Уборевич при этом дал Павлову самую лестную характеристику, заявив, что в мою задачу входит позаботиться о том, чтобы в Испании Павлов приобрел себе известность в расчете на то, чтобы через 7–8 месяцев его можно было сделать, как выразился Уборевич, большим танковым начальником. В декабре 1936 г., по приезде Павлова в Испанию, я установил с ним дружеские отношения и принял все меры, чтобы создать ему боевой авторитет. Он был назначен генералом танковых войск Республиканской армии. Я постарался, чтобы он выделялся среди командиров и постоянно находился на ответственных участках фронта, где мог себя проявить с лучшей стороны...»

И, действительно, попав в Испанию в конце 1936 года, капитан Павлов по представлению Мерецкова уже в июне 1937 года становится Героем Советского Союза, возвращается в Москву и к концу 1937 года его устраивают на должность начальника Автобронетанкового управления Красной Армии. Мерецков, возвратившись из Испании в том же году с двумя орденами, становится заместителем начальника Генштаба, командует Ленинградским ВО, а затем, в 1940 году, становится начальником Генштаба» (Мухин Ю. Если бы не генералы! М.: Яуза, 2006).

Итак, вел Павлова Уборевич, который вместе с Тухачевским и рядом других видных военачальников плохо кончил. Но тут следует заметить, что и сам Мерецков, в свете того, что о нем сегодня известно, выглядит фигурой, скажем так, не совсем понятной.

«...Необъяснимое: фантазмагорическое освобождение Мерецкова из-под стражи. Сорок генералов и офицеров дали на него совершенно убойные показания. На многочисленных очных ставках не один человек подтвердил участие Мерецкова в заговоре Тухачевского – Уборевича, антисоветской работе, передаче им «одной из иностранных разведок» совершенно секретных сведений. Сам Мерецков виновным себя признал полностью.

Но его выпускают! На постановлении об аресте есть запись красным карандашом: «Мерецков освобожден на основании указаний директивных органов по соображениям особого порядка». В том, что под «директивными органами» следует понимать Сталина, сомневаться не приходится. Но до сих пор никто так и не прояснил, в чем заключались «соображения особого порядка». Разве что ходит предположение, что Мерецков дал какие-то чрезвычайно важные показания, благодаря которым и получил прощение. Но подробностей – никаких» (Бушков А. Сталин. Ледяной трон. М.: ЗАО «Олма Медиа Групп», 2009). А ведь речь идет о человеке, который одно время занимал должность начальника Генштаба... Тут просто не знаешь даже, что и сказать...

Мы все-таки не берем на себя смелость прямо обвинять командующего ЗапОВО генерала армии Д. Г. Павлова в предательстве. До тех пор, пока полностью не рассекречено его дело, подобные утверждения были бы, пожалуй, преждевременны. Однако взгляните на его действия (а мы рассказали далеко не все!) и согласитесь, что повод для размышлений тут есть. И учитывая суровость военного времени, следует признать, что и его действия, и его бездействие в любом случае заслуживали самого сурового наказания.